

ТИГР

Р А С С К А З

С. РАДЖАРАТНАМ

Сингапур

МЕДЛИТЕЛЬНЫЕ желтые воды реки сверкали полированным золотом в свете догорающего заката. Хватаясь руками за обрывистый берег, Фатима добрела до вымоины — здесь ей было по пояс. Намокший саронг облеплял ее приземистую коричневую фигурку, подчеркивая расплывшую грудь и большой живот женщины на сносках. В раскосых черных глазах на круглом, скуластом, типично малайском лице таилась печаль — казалось, женщина сосредоточенно всматривается в себя, стараясь уловить что-то видимое лишь ей одной.

Резкий взмах головы, и блестящие черные волосы упали ей на плечи, ветерок ласково пошевелил ими. Из деревни, скрытой лианами и деревьями, окаймляющими излучину, не доносилось ни звука. Перед глазами женщины сплошной стеной стояла зелень: трава лаланг, высокие деревья, ликующее буйство листвы. Ленивую неподвижность вечера лишь изредка нарушал вскрик одинокой водяной птицы да злое шепотное хлопанье крыльев — это вспархивали пробудившиеся совы. Время от времени с легким всплеском в реку ныряла водяная крыса и шуршала, прокладывая себе путь в высокой траве и зарослях лиан, какие-то пугливые зверьки. Воздух был насыщен крепким запахом лесных цветов, ила и трав. Чувство одиночества, потерянности овладело женщиной, словно она вдруг перенеслась в давние времена, к самому началу сотворения мира, когда земля еще была сплошной топью, в которой барахтались сонмы мерзких чудовищ.

Вот отчего негромкое поначалу раскатистое рычание тигра лишь усилило это чувство, но вдруг тигр

взревел, мрачно и грозно, и Фатима разом поняла, что он — не порождение ее фантазии, а живой, страшный зверь.

В каких-нибудь двадцати ярдах от нее, у самой земли, среди стеблей лаланга виднелась вжата в плечи могучая голова хищника. Неподвижные желтые глаза злое поблескивали в отсветах заходящего солнца, уши стояли торчком. Тигр повернул голову и снова зарычал — обнажил красный язык и торчащие пенками желтые клыки.

Фатима одеревенела от ужаса, этот горящий взгляд парализовал ее, а внезапно наступившее безмолвие окончательно лишило воли и соображения. Она не могла шевельнуться, не могла отвести глаз от насторожившегося зверя — он тоже не двигался, словно пригвожденный к месту нежданной встречей с человеком.

Фатима и тигр, не отрываясь, глядели друг на друга: она — испуганно, он — настороженно. Время от времени тигр издавал рычание, раз от раза все менее злое, но не проявлял намерения броситься на женщину. Напротив, вскоре он явно потерял к ней интерес. Огромные передние лапы его были вытянуты, когти полосовали влажную траву. Женщина оставалась неподвижной, и зверь, казалось, ни на что не обращал внимания. Теперь глаза его горели угрюмо, он поглядывал на нее с ленивой скукой, и Фатима ощутила эту внезапную перемену в настроении хищника.

Между тем с холмов надвинулись сумерки, мгновенно загасив яркие краски заката; отовсюду поползли серые тени, незаметно сгущаясь до черноты. Над рекою поднялась дымка и потянулась к берегу. Громкое стрекотание цикад и уханье далекой совы возвестили наступление ночи.

Теперь, когда страх потерял свою остроту, Фатима почувствовала изнеможение. Ее уже трясло от холода, а тигр явно не собирался уходить, и она было совсем пала духом. Но потом огладила руками живот, и сознание, что она носит в себе еще одну жизнь, наполнило ее безотчетной решимостью: спастись во что бы то ни стало. В сгущающихся сумерках еще можно было различить неясные очертания тигра. Женщина смотрела на него неотрывно: ждала, когда же он отведет от нее глаза, и знала, что почувствует это сразу. Она по-прежнему стояла в воде, тело ее было напряжено, но теперь оно излучало какую-то боязливую силу. Вдруг с отвагой отчаяния она нырнула и поплыла под водой, задевая руками дно. Медленно продвигалась Фатима к другому берегу — туда, где стояла деревня; на поверхность она выплывала лишь, когда чувствовала, что легкие вот-вот разорвутся, если она не глотнет воздуха. На середине реки Фатима ощу-

тила свое одиночество особенно остро, но тут раздался отдаленный рык, и ее охватил такой ужас, какого не было даже тогда, когда она увидела тигра совсем близко.

С лихорадочной поспешностью она поплыла к берегу и наконец увидела мерцающие огоньки — это в деревне уже зажгли масляные светильники.

Мать Фатимы тут же оповестила всю деревню о происшествии с ее дочерью, сильно его приукрасив, и началась паника. Женщины раскудахтались, словно куры при виде кружащего в небе ястреба; они сзывали детей, прижимали их к себе. Потом, заперев непрочные двери хижин, стали наседать на мужчин: пусть защитят их от людоеда-тигра. Мужчины суетливо забегали по деревне, загоняя скот. Старики с обычной невозмутимостью жевали бетель и только требовали, чтобы им объяснили, из-за чего весь этот переполох.

Вконец обессиленная Фатима легла на соломенной циновке, когда к хижине гурьбой подошли предводительствуемые деревенским старостой мужчины — они хотели узнать поточнее, где именно она видела тигра. Мать Фатимы тут же принялась громким голосом расписывать встречу своей дочери с «мохнатым», но староста нетерпеливым жестом прервал ее и стал расспрашивать Фатиму. Она отвечала отрывисто, неохотно. В отличие от перепуганных соседей ей почему-то совсем не хотелось, чтобы тигра выследили и убили. Старосту удивляло, что она отвечает на его расспросы с такой неохотой, и он хмурился.

— Слава аллаху! — воскликнула старуха мать (ей не терпелось снова привлечь общее внимание). — Это аллах милостью своей вырвал мою дочь из лап мохнатого.

И она благодарственным жестом воздела к небу тощие коричневые руки.

Староста только пожал плечами.

— Пускай так, — буркнул он. — Да только в другой раз аллах может и не смириться. И если тигр, шалый от запаха человека, станет шастать возле деревни, тут добра не жди. Нет, чтобы деревня могла жить спокойно, чтобы женщины наши и детишки не были под угрозой, надо теперь же выследить хищника и прикончить его.

И он обвел цепким взглядом лица мужчин, встревоженных, молчаливых. Все хорошо понимали, как опасно охотиться на тигра ночью: ведь непроглядно густые заросли лаланга — отличное укрытие для зверя, он может выпрыгнуть оттуда неожиданно и совершенно бесшумно.

— Ну так как же? — спросил староста.

Мужчины молчали, не поднимая глаз. Лицо старосты исказилось. Еще миг — и на них обрушились бы упреки в трусости, но тут в хижину стремительно шагнул Махмуд: молодое лицо радостно возбуждено, за плечом — двустволка.

— Что я слышал! — оживленно заговорил он. — Женщины говорят, на нашу Фатиму напал тигр. Это правда?

Пока староста скупыми, точными словами объяснял ему, как было дело, Махмуд нетерпеливо оглаживал стволы новенького ружья. Сразу видно было, что юноша охвачен охотничьим азартом и готов идти на тигра немедленно, просто из любви к охоте. А то, что выслеживать надо такого страшного зверя, раззадоривало его еще больше.

— Верно ты говоришь, — объявил он, когда староста кончил свой короткий рассказ. — Надо нам позаботиться о женщинах и детишках. Да они, бедняги, из дому нос не решатся вынуть, пока с тигром не будет покончено. Мы, мужчины, обязаны их защитить. А ну, кто пойдет с Махмудом и поможет ему расправиться с тигром? Вот не будь я сын своей матери, если не притащу его тушу еще до рассвета, — конечно, если вы мне подсобице.

После недолгого раздумья человек десять вызвались идти с Махмудом — от его слов у них прибавилось храбрости, к тому же всем было известно, что стрелок он меткий.

— Вот и хорошо! — воскликнул Махмуд и снова огладил ружье. — Я знал, вы народ надежный.

И мужчины вышли из хижины.

— Будь спокойна, дочка, — проговорила мать Фатимы, закрывая дверь на засов. — Этот парень, Махмуд, свирепей любого тигра.

Фатима встала с циновки, выглянула в узкое оконце. Все вокруг, куда только смогил пробиться лунный луч, было залито густым светом, и сама луна обломком расплавленного серебра проглядывала сквозь шуршащие листья кокосовых пальм. Негромко и возбужденно переговариваясь, мужчины собирались на охоту. Фатима угрюмо наблюдала за ними.

Но вот они скрылись из глаз, и теперь ей видны были только кроны деревьев, сероватые в свете луны да слышался капризный шепот ветра. Вслушавшись в тишину ночи, она уловила отдаленный плеск реки.

Где-то там, подумалось ей, бродит тигр. Весь вечер он не шел у нее из головы. Хорошо бы он успел убежать далеко-далеко, чтобы люди не смогли его поймать.

— Аллах всемогущий, — запричитала старуха, бросая в деревянный сосуд семена арековой пальмы. —

Нынешняя ночь сулит кому-то смерть. Ты только подумай: мужчины наши пробираются сейчас где-то в зарослях, выслеживают такого страшного зверя! Да он же хитрый, как сто лисиц, и в темноте хорошо видит — что далеко, что близко. Так и жди, будет нынче плач по мертвому, еще и рассветить не успеет.

— Оставили бы они его в покое, — ответила Фатима, по-прежнему глядя в оконце.

— С ума сойти надо, такое гозорить, — рассердилась старуха. — Кто же должен убить тигра, пока он нас всех не задрал.

— А может, он сам бы ушел.

— Нет, если уж тигр бродит вокруг деревни, он ни за что не уйдет, пока своего не получит. Такие, которые не боятся к деревьям подходить, они все больше людоеды.

— Ну, а этот на людоеда не похож.

Старуха только презрительно хмыкнула.

— Тигр был в каких-нибудь двадцати ярдах, не больше, и мог броситься на меня, но ведь не бросился, стояла на своем Фатима. — А почему? Можешь ты, мама, объяснить? Ну, правда, он с меня глаз не спускал, но ведь и я с него тоже. Сперва глаза у него так и горели, а потом он уже как-то мягче смотрел, даже будто со скукой. И не было в нем никакой свирепости, кровожадности.

— Вот дурацкие рассуждения, в точности как у твоего отца покойного. — Мать с остервенением толкла семена арековой пальмы. — Тот, бывало, все твердил, что ветер поет ему песни. Прости мне аллах, что я худое говорю о мертвом, но он и вправду иногда был вроде дурачка.

Фатима, высунувшись из окошка, хмуро вглядывалась и вслушивалась в ночь. Неземное безмолвие охватило деревню, словно кто-то закутал ее в погребальное одеяние. Стискивая пухлые отекавшие руки, Фатима напряженно прислушивалась: хотя бы один звук, чтоб догадаться, что там сейчас, в лесу... Но все было тихо, только сердце стучало — тук, тук — в такт сердитым ударам пестика: мать все толкла в деревянном сосуде семена арековой пальмы. Вдруг Фатиму пронзила острая боль. Она схватилась за живот.

— Что с тобой, дочка? — Старуха вскинула на нее глаза.

— Ничего, — процедила Фатима сквозь зубы.

— Не стой на сквозняке, пойдешь.

Но Фатима не отходила от окошка. Боль то усиливалась, то стихала. Она закрыла глаза, и перед нею снова возник тигр: вот он, припав к земле, смотрит на нее сквозь стебли лаланга, и глаза у него то красные, горящие, то ленивые, скучающие...

Вдалеке хлопнул выстрел. За ним другой. Фатиму затрясло, словно стреляли по ней. Донесся рык тигра. То было уже не ленивое урчанье, как тогда, у реки, а рев боли и ярости. Несколько мгновений этот протяжный вопль предсмертной муки стоял у нее в ушах, рвал сердце. Ей вдруг захотелось откликнуться таким же долгим воплем. Лицо ее искалось от боли, она вся взмокла, сквозь стиснутые зубы вырвался стон.

— Аллах всемогущий, аллах всемогущий! — воскликнула старуха. — Да у тебя вид совсем больной. Что с тобой? Ступай ляг. Неужто...

— Больно, мама!

Мать бережно подвела ее к циновке, уложила.

— Ой-ой-ой, выбрала же ты время рожать, — испуганно запричитала она. — Ты лежи, я сейчас воды согрею, попьешь горячего. Надо мужчин дожидаться, тогда уж побегу за повитухой. Ох, и выдалась же ночь для несчастной старой женщины!

Пока мать охая грела воду, Фатима лежала, зажмурив глаза.

— Ага, мужчины возвращаются, я слышу, — оживилась старуха.

Пустоту ночи разом заполнили возбужденные мужские и женские голоса.

Старуха осторожно приоткрыла дверь, кого-то окликнула.

В хижину бежал юноша.

— Да здравствует Махмуд! — закричал он с разбегу. — Тетушка, Махмуд подстрелил тигра, его уже приволокли. Ну и здоровенный зверюга! Понятное дело, им пришлось выдерживать жаркую схватку, чтобы его одолеть. Два раза попали в него из ружья, и все равно пришлось добивать копьем. А знаешь, что было потом?

Фатима глядела на юношу, затаив дыхание. Старуха порывисто повернула к нему сморщенное личико:

— Ну, что?

— Они говорят, тигра уже убили, вдруг слышат — какая-то возня, — зачастил юноша. — Посветили фонарями, видят — три тигренка, маленькие-маленькие, даже глаза еще не раскрылись. Махмуд считает, им отроду часа два. Теперь понятно, почему тигрица защищалась, как бешеная. Махмуд говорит, ему дадут за тигрят хорошую цену.

Фатима застонала от боли. На лбу желтыми жемчужинками заблестели капли пота.

— Мама! — выкрикнула она.

Старуха подтолкнула оторопевшего парня к двери:

— Беги за повитухой, сынок. Живо! Тащи ее сюда. Повитуху.

Юноша ошарашенно глянул на нее, глотнул воздуха и побежал за повитухой.

Перевела с английского
С. Митина

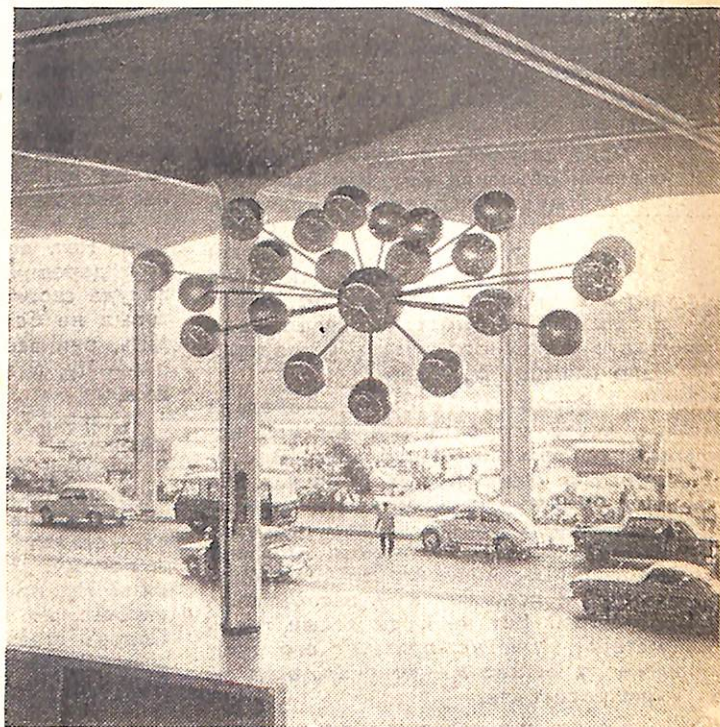

Новый Государственный музей.

Молодежь на демонстрации по случаю Дня независимости.

В Куала-Лумпуре — важном транспортном центре страны — перекрещиваются авиалинии многих международных компаний. На переднем плане снимка: Часы в аэропорту, которые показывают время в крупнейших городах мира.

КУАЛА-ЛУМПУР

Фото ТАСС

Компаньоны.

ПУТЕШЕСТВИЯ ВСТРЕЧИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

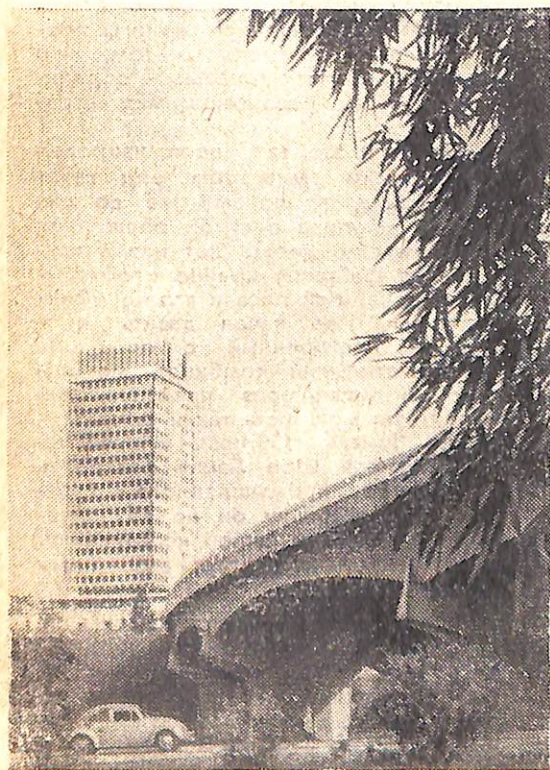
СТОЛИЦЕ Малайзии — Куала-Лумпур — немногим более ста лет. Город возник в 1859 году на месте поселка, выстроенного рабочими, добывавшими в этих местах олово. От небольшого административного центра в юго-западной части полуострова Малакка, расположенного при слиянии рек Кланг и Гомбек (в переводе с малайского куала — устье, лумпур — грязный), он прошел сложный путь до столицы государства с почти миллионным населением. Архитектура города — разнообразная и разнообразильная — отражает этот путь.

По генеральному плану развития столицы Малайзии предусмотрено превратить Куала-Лумпур в современный город и в то же время сохранить его национальный колорит.

Слитки слова готовы к отправке за границу.

Здание федерального парламента.

Продажа рыбы на рынке.

